

Раз решение начальством уже принято, Диффу оставалось лишь смиренно кивнуть. В глубине души он переживал, что маленький Лу Бай, который столько дней делил с Его Высочеством Ся Цзо кров и пищу, будет глубоко опечален разлукой.

— Впрочем, рядом с ним остаются командующий Адонис и господин Луис, так что Лу Бай не должен слишком сильно тосковать, — рассудил Дифф.

Сам он в звериной форме был песцом и обычно уходил в леса лишь в январе. Ему и самому до смерти хотелось составить компанию Лу Баю, но в этом году такая возможность исключалась — встретиться они могли разве что в следующем. Однако для Диффа будущий год станет последним сроком пребывания в лесу, и шансы на случайную встречу казались... исчезающе малыми.

Будучи снежной лисой, он предпочитал высокогорные заснеженные пики. Условия там специфические, и спасатели редко задерживаются в тех краях надолго. Даже если бы что-то случилось, вряд ли Лу Баю на его горном вездеходе поручили бы спасательную операцию в столь труднодоступном районе.

При этой мысли Дифф бросил сочувственный взгляд на своего начальника, товарища по несчастью. Место обитания Самуэля в зверином облике было таким же — у подножия ледяных гор, где царит вечная мерзлота.

Когда сотрудники покинули конференц-зал, Самуэль достал лакомство, чтобы покормить сову. Услышав слова подчиненного, он лишь коротко отозвался:

— Будем надеяться.

Он вспомнил, как ревностно Адонис оберегал Лу Бая. Несмотря на легкое недоумение, Самуэль, как и Дифф, чувствовал за парня спокойствие.

Наследный принц Ся Цзо вошел в лес в конце марта. Он должен был покинуть заповедник до того, как засушливый сезон вступит в полную силу и жизнь в защитной зоне станет невыносимой. Этому обстоятельству все были несказанно рады. Королева Флора тоже считала великим благословением то, что ее старший и младший сыновья родились в конце марта и начале февраля соответственно — это избавляло их от мук, которые приносит великая сушь.

Тем не менее, июньское солнце уже нещадно палило землю. Во многих местах источники пересохли, а нехватка пищи становилась все более ощутимой. Даже львиные прайды, охотящиеся группами, теперь редко наедались досыта. Львицы, забеременевшие ранней весной, принесли потомство в мае. Котятам не исполнилось и месяца, но они уже пробовали измельченное мясо, которым их подкармливали матери. Им нужно было окрепнуть как можно скорее, чтобы пережить засуху.

Группа Лу Бая старалась обходить львиные территории стороной, но в это время года хищники

часто кочевали в поисках еды. Это могли быть и львы-одиночки, и львицы с потомством. Жизнь матери-одиночки в саванне полна лишений: если из всего помета хотя бы один львенок доживет до зрелости, это уже считается большой удачей. Малыши гибнут не только от когтей чужих самцов, но и просто от голода.

Одним пасмурным и душным днем горный вездеход медленно покачивался на неровной дороге. Из-за изнуряющей жары приходилось двигаться черепашьям шагом, иначе «большие кошки» быстро выбились бы из сил. К счастью, запасы арбузов не иссякали, и трое пушистых спутников Лу Бая никогда не страдали от жажды или нехватки сладкого. Что же касается мяса — тут им приходилось самим пускаться в ход острые когти.

Чаншоу, дремавший на ходу, внезапно замер. В воздухе отчетливо потянуло запахом львицы.

Молодой лев, у которого сейчас не было ни периода размножения, ни соответствующего желания, настороженно открыл заспанные глаза и посмотрел в ту сторону, откуда донесся аромат. Выражение его морды было на редкость красноречивым: он приоткрыл пасть, прислушиваясь к звукам саванны с сосредоточенностью абитуриента на важном экзамене, хотя во взгляде порой проскальзывало легкое замешательство.

Его поведение привлекло внимание черной пантеры. Вероятно, Адонис от природы был менее чувствителен к запахам сородичей Чаншоу, поэтому поначалу никак не отреагировал. А может, аромат львицы не казался ему угрожающим, и он просто не счел нужным беспокоиться.

Лишь большой черный медведь встал на задние лапы и принялся озираться по сторонам с тем же нервным любопытством, что и лев, хотя в его глазах недоумения было ничуть не меньше.

Лу Бай заметил в зеркало заднего вида этих двух забавных истуканов. Не понимая, в чем дело, он все же остановил машину. До обеда было еще далеко — неужели они заметили какую-то аппетитную дичь?

Запах львицы с котятками действительно не представлял угрозы. Убедившись в этом, Чаншоу тряхнул гривой и продолжил путь за вездеходом. Большой медведь, так и не дождавшись зрелища, разочарованно фыркнул и потрусил следом, напоминая прыгающий меховой шар — складки жира на его боках забавно перекатывались при каждом шаге.

Но не успел Чаншоу пройти и сотни метров, как снова резко остановился. Ветер донес запах взрослого, сильного самца. Это означало, что пора приниматься за работу.

Лев, не мешкая, издал громовой рык в сторону источника запаха. Однако противником оказался шестилетний самец в самом расцвете сил. Он не собирался уступать территорию какому-то юнцу, и его запах продолжал оскорблять благородное обоняние наследного принца. Возможно, чужак и не был лишен страха, но здесь его удерживал слишком весомый соблазн.

— Чаншоу, ты чего? — окликнул льва Лу Бай, но в этот момент из зарослей неподалеку

донеслись звуки яростного противостояния хищников.

Совсем рядом со стоянкой вездехода взрослый лев пытался навязать свое общество самке. Но львица, которую он облюбовал, только что принесла потомство. Пока она кормит котят, течка у нее не наступит. Только если львята погибнут, самка снова станет восприимчивой к ухаживаниям.

Мать никогда не отдаст своих детей без боя. Она будет сражаться до последнего, прикрывая их отход. Лишь при подавляющем превосходстве сил львица может отступить, подчиняясь жестокой реальности. Эта самка в одиночку растила троих котят. Постоянная охота ради пропитания изнурила ее: она растеряла весеннюю полноту и теперь выглядела пугающе истощенной. Против мощного удара самца у нее не было шансов.

Проведя столько времени с Чаншоу, Лу Бай научился различать оттенки львиного рыка. Он сразу понял: затевается драка. Его чувства совпали с инстинктами Чаншоу — пора вмешиваться!

Направляя вездеход к месту схватки, спасатель гадал: может, они еще не сцепились, а просто запугивают друг друга? Иначе со станции уже пришло бы уведомление... Проработав здесь несколько месяцев, Лу Бай заметил, как сильно все нервничают, когда дело касается львов. Может, их осталось совсем мало и они под особой защитой? Он решил, что при первой возможности попросит у начальника список редких видов, чтобы знать наверняка.

Появление вездехода и его свиты прервало поединок. Львица была уже ранена, и запах крови заставил зрачки незваных гостей — пантеры и льва — сузиться до предела.

Шестилетний самец был по-настоящему огромен. Один его вид внушал трепет, и он явно не ставил ни во грош трехлетнего Чаншоу, проигнорировав его предупреждение. Но когда он увидел, что рядом с молодым львом стоит черная пантера, а за ними возвышается огромный черный медведь, его уверенность пошатнулась.

Лев замер в полном замешательстве — с такой ситуацией он не сталкивался никогда в жизни. В честном бою один на один он не побоялся бы ни пантеры, ни медведя. Единственным достойным соперником для него был бы тигр. Но против троих... Только безумец полез бы на рожон.

Пока чужак колебался, Чаншоу бросился в атаку:

— Р-р-ра-а!

Мощь и напор тройцы окончательно сломили дух агрессора. После короткой и яростной стычки он предпочел позорно бежать. Чаншоу еще долго преследовал его, оглашая саванну победным рыком вслед удирающему противнику.

Зрелище было комичным, и Лу Бай невольно засмотрелся, как и двое его пушистых «зрителей». В такую жару им явно не хотелось драться — куда приятнее было просто наблюдать за чужим позором.

Лу Бай заметил раненую львицу и притаившихся неподалеку котят, чей взгляд был полон невинного испуга. Он вышел из машины, прихватив аптечку, и строго велел пантере и Шуаньцзы ждать на месте.

— Со мной все будет хорошо, — Лу Бай заметил, что Адонис пытается следовать за ним, и ласково потрепал его по загривку. — Сидеть.

Но пантера все равно шла по пятам, словно не доверяя Лу Баю в одиночку общаться с дикой львицей.

Самка тяжело дышала и выглядела скверно. Схватка с самцом окончательно лишила ее сил, но при виде приближающейся пантеры она все равно оскалилась, пытаясь защитить своих малышей.

— Не бойся, я просто хочу помочь... — Лу Бай заговорил тихим, успокаивающим голосом, глядя в ее янтарные глаза. Ему всегда казалось, что эти звери понимают его. — Я сейчас присяду, мне нужно осмотреть твою рану.

Успокаивая львицу, он одновременно обратился к Адонису:

— Не будь таким грозным, не сверли ее взглядом. Если уж так хочется на кого-то смотреть — смотри на меня.

Тяжелый, хищный взор пантеры создавал лишнее напряжение, которое сейчас было совсем ни к чему. Адонис, чью морду спасатель решительно отвернул в сторону, недовольно фыркнул, но все же присел чуть поодаль от львицы, поближе к Лу Баю. Было очевидно: он держится рядом, чтобы в случае малейшей опасности мгновенно прикончить самку.

Лу Бай быстро открыл аптечку и принялся обрабатывать раны. Под его ласковым шепотом львица, кажется, начала проявлять доверие и перестала сопротивляться. Раны, нанесенные самцом, были неглубокими; настоящей проблемой было крайнее истощение. Она была смертельно голодна. В ее впалом животе наверняка не осталось молока для котят.

Лу Бай принес свежее мясо. Пока львица жадно поглощала еду, он наблюдал за котятами, которые все еще не решались выйти из своего укрытия. Малыши, измученные голодом, начали издавать жалобные, слабые звуки.

Мать мгновенно отреагировала: она посмотрела на детей, затем на Лу Бая, словно взвешивая все «за» и «против».

— Все в порядке, пусть выходят, — Лу Бай набрался смелости и легонько коснулся уха львицы.

Она встряхнула головой и издала низкий призывный звук. Спустя мгновение из зарослей показались три маленьких рыжеватых комочка. Они опасливо озирались, переставляя неокрепшие лапки. Котята были пугающе худыми — если бы не встреча с Лу Баем, они вряд ли пережили бы эту ночь.

Голод притупил их инстинкт самосохранения. Шатаясь, трое львят подошли к матери, привлеченные запахом крови и мяса. У малышей еще не было зубов, способных разгрызть жесткие волокна, поэтому Лу Бай ножом нарезал мясо на крошечные кусочки и подавал их прямо к их мордочкам.

Видя это, львица успокоилась и вернулась к своей трапезе. Она не выглядела опытной матерью — скорее всего, это был ее первый помет, и то, что она сумела дотянуть их до этого времени, уже было подвигом.

Лу Бай нарезал целую гору мелких кусочков, позволяя котятам есть вволю. Поддавшись порыву, он отрезал кусок потолще и протянул его пантере. Адонис, все это время хранивший ледяное спокойствие и не спускавший глаз с львицы, удивленно покосился на спасателя, а затем медленно слизнул мясо своим шершавым языком.

Глядя на троих крошечных хищников, Лу Бай задумался: стоит ли вызывать подмогу со станции? Или попробовать выходить их самому? Состояние львицы было тяжелым, и если он уйдет сейчас, все четверо будут обречены.

Поразмыслив, он решил остаться здесь на несколько дней. Неделя полноценного питания должна вернуть самке силы. А раз так, придется разбить лагерь.

— Хэйдань, мы задержимся здесь на пару дней.

Лу Бай знал, что пантера вряд ли понимает человеческую речь, но привычка делиться планами со своими подопечными стала для него второй натурой.

Наполнив миску водой для львиного семейства, Лу Бай принялся обустроить стоянку. На крыше вездехода были закреплены инструменты для расчистки территории. Он выбрал место рядом с поваленными сухими деревьями и подготовил площадку для отдыха.

«Большие кошки» устроились на стволах, лениво свесив лапы, и с любопытством наблюдали за суетой спасателя. Наверняка они гадали, когда же наступит время арбуза. Впрочем, сегодня в самый разгар жары Лу Бай уже угощал их сочной мякотью.

Львица, наевшись, заметно приободрилась, хотя сил для долгого перехода у нее все еще не было. Сытые котята вяло копошились подле матери или дремали, изредка прикладываясь к

воде. Дни голода и страха изнурили их крошечные тела, и теперь им требовался только покой. Даже во сне они казались напряженными, но, прижавшись к теплomu маминому животу, быстро погружались в глубокий сон.

Наступил вечер. Небо окрасилось в багряные тона, словно охваченное пожаром. Лу Бай, обливаясь потом, продолжал обустройства лагерь, не имея времени любоваться закатом.

Почувствовав прохладу, хищники начали просыпаться и потягиваться. Пришло время охоты. Большой черный медведь спал, привалившись к сухому стволу, пока его не разбудил проходящий мимо лев. Он поднял заспанную морду, щурясь спросонья — зрение у него и так было неважным, а в сумерках мир и вовсе превратился в размытое пятно.

— Шуаньцзы, подъем! — Лу Бай шутливо подтолкнул медведя носком сапога, словно ленивого пса. — Иди со всеми на охоту, слышишь? Или ты сегодня без ужина решил остаться?

Обычно он не был так строг, ведь добычи двух кошек хватало и медведю, но теперь едоков прибавилось, и позволять этому увальню бить баклуши было нельзя. Шуаньцзы, не выдержав ворчания спасателя, обиженно засопел и поплелся вслед за охотничьим отрядом. Поможет он или нет — дело десятое, главное — правильный настрой.

Закончив дела, Лу Бай подошел к львице, чтобы еще немного «наладить контакт». На этот раз, поскольку пантеры не было рядом, ему даже позволили погладить котенка.

— Ты ранена, так что побудь здесь несколько дней. Я помогу тебе прокормить малышей, — негромко проговорил Лу Бай, глядя львице в глаза и поглаживая маленькую пушистую голову.

Он не знал, понимает ли она, но продолжал настойчиво внушать ей свои мысли. Спустя некоторое время он вернулся к костру.

Когда совсем стемнело, три пары светящихся глаз вернулись из темноты. На этот раз они притащили две туши. Количество добычи осталось прежним, но туши были крупными — хватит всем, еще и останется. Обычно Лу Бай сохранял излишки, но сегодня все остатки мяса достались раненой львице и ее детям.

После второй кормежки отношение самки к нему заметно изменилось. Троица же его постоянных спутников не проявляла к львиному семейству ни малейшего интереса. Если безразличие Хэйданя и Шуаньцзы было ожидаемым, то полное равнодушие Чаншоу удивило Лу Бая. Неужели он еще не созрел? Или эта львица просто не в его вкусе?

Как бы то ни было, в лагере царил мир. Возможно, дело было в том, что на их обедки претендовала самка. К львицам и детенышам самцы-хищники относятся терпимее. Хотя бывают и исключения — вроде того агрессора, что не терпел чужих детей.

Ночью, составляя рабочий отчет, Лу Бай отправил руководству запрос на припасы, особо выделив сухое молоко для животных.

— Ваше Высочество, — уточнял он детали в сообщении Самуэлю, — пожалуйста, убедитесь, что это молоко подходит именно для львят и обладает хорошим вкусом.

— Львят? — последовал краткий вопрос.

— Да, сегодня наткнулся на раненую львицу с тремя котятами. Им меньше месяца, совсем истощенные. Нужно подкормить.

Самуэль сразу понял, что Лу Бай взялся за спасение дикого семейства. У офицера, не отличавшегося избытком сентиментальности, не повернулся язык велеть парню бросить их.

— Хорошо, — ответил принц.

Ему пришлось лично заняться закупкой этих «материнских» припасов. Если Лу Бай хочет это сделать и это приносит ему радость — зачем разрушать его мир?

Закончив обсуждение дел, Лу Бай набрался смелости и добавил:

— Ваше Высочество, можно мне взглянуть на Сяоцюку?

Самуэль, как всегда, не стал возражать и включил видеосвязь. На его плече сидела сова.

— Привет, Сяоцюку! — Лу Бай просиял.

Самуэль настроил экран так, чтобы птица могла видеть собеседника. Сяоцюку, услышав знакомый голос и увидев лицо Лу Бая, радостно захлопал крыльями. Он подался вперед, пытаясь потереться клювом об экран, но лишь проходил сквозь изображение, ничего не чувствуя.

— Глупыш, — рассмеялся Лу Бай. Сова делала так не впервые, и это выглядело одновременно трогательно и нелепо. — Я планировал вернуться к тебе через пару дней, но тут возникли обстоятельства. Придется еще немного подождать.

— Чу~ — отозвался Сяоцюку.

Перья по бокам его головы забавно приподнялись, словно кошачьи ушки — верный индикатор настроения.

— Прости меня, чу~ — Лу Бай в ответ издал похожий звук.

— Чу~

— Чу-чу-чу~

Они увлеченно «беседовали», словно и впрямь понимали друг друга. Принц Самуэль в это время служил лишь живым фоном, сохраняя достоинство и не прерывая их общения.

После звонка Самуэль отправился за покупками. Стоя перед полкой с сухим молоком, он мельком взглянул на сову и негромко заметил:

— У него появились другие малыши.

— Чу~ — ответил Сяоцюку. Для него не было разницы, кто с ним говорит — ответ всегда был один.

В магазине к ним подошла продавщица, привлеченная необычным питомцем:

— Ой, это совенок? Какой милашка!

Сяоцюку, не привыкший к вниманию чужаков, тут же прижался к шее «папы», уткнувшись пушистым тельцем в его щеку. Из болтливой птицы он мгновенно превратился в комок перьев, лишенный всяких эмоций. Продавщица смутилась — отказ был слишком явным.

Лу Бай тоже немного опасался неловкости: он не был уверен, застанет ли львицу на месте, когда проснется. Перед сном он еще раз проверил своих четверых подопечных. Он верил, что скоро их шерсть снова заблестит здоровьем.

Ночь прошла без дождя, и утро встретило его свежим воздухом. Первым делом Лу Бай выглянул наружу. Львица спала в траве, а вокруг нее резвились трое котят. Он улыбнулся и стал ждать беспилотник с грузом.

В восемь утра посылка была доставлена. На этот раз точку сброса выбрали подальше, чтобы не пугать львят шумом винтов. Лу Бай вскипятил воду, развел молоко и оставил его остывать.

Большой черный медведь, почуяв аппетитный аромат, подошел поближе. Этот упитанный зверь, явно не страдающий от нехватки калорий, заглядывал Лу Баю через плечо, время от времени пытаясь дотянуться лапой до миски.

— Это для маленьких, — Лу Бай без церемоний шлепнул его по лапе. — Ты-то куда лезешь,

детина?

Впрочем, ворча, он все же налил немного молока в отдельную плошку для этого «большого хомяка», чтобы тот отведал лакомства.

Когда миску с молоком поставили на землю, львята тут же облепили ее, пачкая мордочки в белой пене. Их довольное чавканье было лучшим лекарством для души. Напившись до отвала, котят с круглыми животиками смешно ковыляли по траве, едва удерживая равновесие. Голод заставлял их наедаться впрок.

Львица нежно вылизывала остатки молока с их мордочек. Она даже лизнула палец Лу Бая, когда тот протянул руку — кажется, от ее настороженности не осталось и следа.

Вскоре вернулись «большие кошки» с добычей, и Лу Бай снова отдал остатки их трапезы львиному семейству. Обычно после завтрака они отправлялись в путь, и хищники уже привыкли к этому ритму. Но сегодня спасатель не спешил заводить мотор. Счастье привалило откуда не ждали.

Сытые звери — две кошки и медведь — с наслаждением развалились на сухих стволах, вылизывая лапы и предвкушая полуденный арбуз. Лу Бай, воспользовавшись передышкой, тоже решил немного вздремнуть. Но солнце уже начинало припекать, и лежать под открытым небом было не лучшей идеей.

Он достал свое секретное оружие — большой солнцезащитный зонт, устроился на свободном бревне и, накрыв лицо шляпой, почувствовал себя настоящим небожителем.

Немного полежав, он вспомнил о трансляциях. Сейчас, когда все звери так живописно расположились на отдых, картина была на редкость умиротворяющей. Лу Бай решил поделиться этим моментом.

Он включил стрим, настроил камеру на штативе в трех метрах от себя — это был предел возможностей устройства. Ракурс получился отличный: легкий взгляд сверху на весь лагерь.

В ту же секунду тысячи людей получили уведомление от официального сайта заповедника...

После того памятного эфира, где пантера и лев охотились на крокодила, таинственный стример бесследно исчез. Многие пытались разузнать хоть что-то об этом спасателе, но безрезультатно — никто не знал, откуда он взялся. Влиятельные туристы, обнаружив, что не могут получить ни крупицы информации, начали о чем-то догадываться. Те же, кто действительно обладал властью, даже не пытались копать в этом направлении. Они понимали: есть вещи, к которым лучше не прикасаться. Только люди, наделенные истинной властью, знают ее истинную цену. Зачем лезть на рожон и переходить невидимую черту?

Возможности смотреть стрим было более чем достаточно. Ведь такая привилегия могла исчезнуть в любой момент. Поэтому серьезные люди не поднимали шума, в отличие от толпы, жаждущей подробностей.

На экране появилось изображение. Спасатель, кажется, наконец настроил ракурс. Зрителям предлагалось два вида: один — крупным планом на самого Лу Бая, другой — общий вид лагеря. На общем плане было видно три грозных хищника, лениво развалившихся на деревьях. От такого зрелища у многих поползли мурашки.

Видеть живого человека среди этих монстров было жутко — казалось, кровавая расправа может начаться в любую секунду. Но спасатель выглядел совершенно безмятежным. Он хлопнул в ладоши и обратился к камере:

— Наконец-то настроил. Всем доброе утро. Посмотрим... Неужели меня еще кто-то смотрит?

Он бросил взгляд на счетчик зрителей.

«Ого...» — Лу Бай опешил. Цифры были заоблачными.

Он-то думал, что зрителей будет немного, и хотел просто постримить свой сон. Теперь же, под пристальным взглядом сотен тысяч глаз, ему было как-то неловко озвучивать свои планы на сегодня. Но еще больше его поразило то, как стремительно росло число подключений — цифры взлетали, словно ракета!

Лу Бай на мгновение растерялся, но, поборов смущение, подмигнул камере:

— Извините, рука соскользнула, случайно включил трансляцию.

[ЧТО-О-О?!]

[СЛУЧАЙНО?!]

[МЫ ЖДАЛИ ТЕБЯ ВЕЧНОСТЬ!]

Лу Бай посмотрел на спящих хищников, затем снова в камеру:

— Ну, раз уж включил, выключать не буду. Пожалуй, я сначала немного посплю.

<http://bllate.org/book/16972/1587705>